
Александр А. Сальников
Ветлуга
поёт
о вечном
Том 2

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном (Том 2)

«Автор»
2026

Сальников А. А.

Ветлуга поёт о вечном (Том 2) / А. А. Сальников — «Автор», 2026

Во втором томе поэмы "Ветлуга поёт о вечном" публикуется вторая из восьми частей поэмы. Поэма рассказывает об истории Великого Поветлужья и распространении христианства на средневековой Руси.

© Сальников А. А., 2026
© Автор, 2026

Александр Сальников
Ветлуга поёт о вечном (Том 2)

Часть вторая

Ловцы человеков

«Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему
и тьмы тем предстояли пред Ним;
судьи сели, и раскрылись книги».
(Даниил 7:10)

1. Утренние проводы

Поутру стали думать: как тронуться в путь.
Поначалу хотели паломники плыть
По течению вниз по Ветлуге-реке,
Да на лодке хорошей, чтоб только несла.
Но как вспомнили: лодки-то все увели,
Да пока их найдут, да пока их вернут…
Время дорого, ждать уж теперь не с руки.
Если б сами они, да по воле своей
В путь решили идти, так уж можно тогда
Собираться и день, и неделю в свой путь.
Можно лодку успеть смастерить не спеша.
Но призвал их Господь, и посланника дал,
Тут уж медлить и день, и полдня было б грех.
Порешили: не ждать и начать в путь пешком,
А уж там Бог поможет, подскажет, как быть.
Так, нехитрые вещи собрали они,
Запаслись провиантом на несколько дней,
И прощаться уж с братией стали, как вдруг
Тихий старец Арсений сказал:
– Как же так?
Божье дело вершить лишь с крестом, без меча?
К иноверцам невинных овец посылать?
То – на верную смерть, не на Божьи дела!
Ведь в Писании ясно: крестом и мечом!
Кто же будет в дороге-то их защищать?
Им помощника надо, чтоб их от беды,
От разбойников разных чтоб мог уберечь.
Сами ж в руки оружие брать не должны.
– Так ведь с Богом идут! Бог-то их защитит! –
Вставил Фрол, пономарь, что недавно служил.
И монахи заспорили, как поступить:
Взять охранника инокам, или одним
В путь далёкий идти по Ветлужским лесам,

Где во множестве дикого зверя живёт,
Где нередко встречают и лютых людей.
Кто за то выступал, чтоб одним им идти;
Кто за то, чтобы хоть одного или двух
Взять с собой мужиков, чтоб охрану несли.
– Тут на Бога надейся да сам не плошай! –
Заявил громким басом звонарь Парамон.
– Это верно. – Арсений опять подхватил.
Он на Фрола взглянул и сердито сказал:
– Сам-то ты отправляйся-ка в путь просто так,
Без охраны. Купцы вон, и те свой товар
Без охраны не возят. И сами – с мечом.
Здесь же – слово Господне – богатый товар!
Как его не хранить да без стражи нести?
Бог-то, он ведь не сторож тебе, не слуга!
Мы же – слуги его! А слуга о себе
Сам заботиться должен в служенье своём.
Если ты – господин, то какого слугу
Будешь больше любить, примечать и жалеть?
Не того ли, что ловок и верен в делах,
Что и сам о себе позаботится смог,
И тебе, господину, прибыток принёс!
Разве будешь того ты наградой дарить,
Что и сам-то себя не сумел соблюсти?
Разве дело какое доверишь ему?
Нет! Тут надо серьёзней на вещи смотреть!
– Так кого же им дать? Кто же с ними пойдёт? –
Согласившись, спросил его Фрол пономарь.
Снова стали монахи решать да рядить,
Перебрали немало они мужиков.
Но, кого б ни назвали, не нравился им.
Даже страж монастырский Безухий Иван
Не годился для этого дела никак.
Был он смел, да неловко владел он мечом
И ленив был не в меру. На страже стоять
Он, конечно бы, мог. Но идти в дальний путь…
А другие, кто был трусоват, кто женат.
– Пусть идёт Тихомир! – заявил вдруг Федул,
Монастырский кузнец. – Он и смел, и силён.
И ещё не женат, и с оружием он
Обращаться умеет, хотя на войне
Он ещё не бывал, но отец научил,
Старый Фёдор-вояка, умелый кузнец.
Видно знал, что и сыну владенье мечом
Пригодится когда-нибудь. Чем он не страж?
– И тебе хорошо: все заказы – тебе.
– У него и отец держит молот в руках.
Да и брат подрастает. Я только сказал…
Не хотите – не надо. Ищите, кого…

– А чего? Тихомир может и без меча
Разогнать даже полк! Он одним кулаком
Словно палицей лупит! Вчера вот, когда
Мужики-то дрались, он в толпу как вошёл,
Так они, словно брызги, летели вокруг…
– Ну, довольно рядиться!.. Пафнутий, отец,
Дай нам благословенье идти к кузнецу. –
Тихий старец Арсений сказал. – Час пришёл,
Пусть послужит и он православной Руси.

2. Ночных трудов доспехи

В дом пошли к кузнецу сам Арсений монах,
Да Окимий, да те трое иноков, что
В дальний путь собрались. Растерялся кузнец,
Как увидел, что входят в калитку во двор
Пять монахов. Особенно старец седой
Много страху нагнал. Благоверный кузнец
И не ждал, не гадал, чтобы в доме встречать
Столь почётных гостей. Что и думать, не знал.
Но, услышав о том, что велят в дальний путь
Отпустить Тихомира, весьма осерчал:
– Как же так? Отпустить? На кого же тогда
Я кузнечное дело оставлю своё?.. –
Тихомир же, напротив, обрадован был,
Но молчал до поры против слова отца.
Фёдор, старый кузнец, между тем продолжал:
– Как могу отпустить я? А дом на кого?
Наш Ивашка – подросток ещё, молодой;
Мы с хозяйкой, год, два, – и уже старики.
Вся надежда у нас – старший сын Тихомир.
Он не воин, – кузнец! И без кузницы жить
Он не может, он даже куёт по ночам!..
Что ты сам-то молчишь?.. –
Но сказал Тихомир:
– Тятя, тятя, пусти. Я хочу испытать
И другую дорогу. Хочу я пойти…
– Кто же будет работать со мной кузнецом?
Кто помощником в кузнице будет моим?
Я уж стар, и хотел передать всё тебе,
Как поженим тебя на Иришке твоей.
– Тятя, тятя, пусти. Не на век я уйду.
Я лишь их провожу месяц, два, и вернусь.
И жениться ещё я не думал пока.
А Иришка меня месяц, два подождёт.
Я хочу посмотреть и другие места,
Я нигде не бывал, ничего не видал.
А тебе, вон, Ивашка пока подсобит,
Он и в кузне поможет. Большой он уже.

– Младший брат твой и молот ещё не держал!
Слабоват он ещё для кузнечных-то дел…
– Ничего, он научится, сила придёт…
– Ты ж не воин! Куда тебе в стражники лезть?
Чем ты будешь в дороге-то их защищать?
Кулаками своими? А если на вас
Кто с оружием острым, с мечом нападёт?
– Тятя, тятя, пусти. Я ночами ковал
Ратный подвиг себе, славу рода всего,
А не славу кажировского кузнеца.
Я ковал себе меч, я ковал себе щит;
Я доспехи и шлем изготовил тайком.
Хоть и знал, что нельзя мне доспехи ковать
Без веленья на то, без военной поры.
Дед наш воином был. Был и ты. И меня
Ты не зря ж научил обращаться с мечом…
– Замолчи! Как ты мог!? Я тебя научил,
Чтобы дом свой, семью защищал от врагов!..
Да про меч и про щит ты, наверное, врёшь!
– Нет, я, тятя, не вру. Я могу показать… –
И пошли они к кузнице. Там, во дворе,
Под попоною старой, под сена копной,
Достаёт Тихомир в преогромном узле
Все доспехи свои. Узел он развязал
И достал из него круглый кованый щит,
На котором по кругу Ветлуга-река
Протекает спокойной кудрявой волной.
Над Ветлугой-рекой ясный сокол летит,
Задевая крылом своим солнца лучи,
Солнца, что посредине большого щита
Яркой медью горит. А под солнцем, внизу
Деревенька у леса стоит над рекой –
Символ русской земли. Парень с девушкой там
В лёгкой лодке плывут по спокойным волнам.
Изумился щиту Фёдор, старый кузнец,
Но сердито молчал, ничего не сказал.
Следом меч свой достал из узла Тихомир.
А на ножнах меча бой кровавый кипит:
Бьются русичи с силой татарской Орды,
В середине летит на буланом коне
Впереди своих войск славный Дмитрий Донской.
Изумился опять Тихомира отец,
Но сердито молчал, ничего не сказал.
Только старец Арсений сказал, посмотрев:
– Эти ножны достойны великих князей.
Для тебя они – честь. Для врагов – клич к войне. –
Меч из ножен извлёк показать Тихомир.
Как по лезвию солнце сверкнуло лучом,
Так зажмурились все, и глядеть не могли.

Словно в зеркало, в лезвие можно смотреть.
Рукоять у меча как изба в кружевах.
Вновь дивился искусству отец кузнеца,
Но упорно молчал, ничего не сказал.
Стал доспехи свои доставать Тихомир.
Он кольчугу сначала достал и надел.
Словно сказочной рыбы какой чешуя,
Заблестела кольчуга кругами колец.
До локтей доходили её рукава.
Щит нагрудный затем он достал и надел
Сверх кольчуги, чтоб грудь защищал этот щит.
На щите этом малом по кругу узор,
А по центру крест-накрест стоят два меча.
Напоследок извлёк Тихомир и свой шлем.
Заблестел он на солнце, огнём засиял.
И четыре узорные бляхи тот шлем
Защищали ещё с четырёх же сторон;
Носовая накладка по форме меча;
А кольчужная брамица с тыла и с плеч
Защищала бойца. Шлем надел Тихомир
И предстал перед всеми уже не кузнец,
А боец-богатырь, витязь русской земли.
Тут не мог уж смолчать Тихомира отец.
Восхищённо на сына взглянул и сказал:
– Ты меня превзошёл, сын мой, в деле моём!
Ты – от Бога кузнец! Жаль тебя отпускать,
Но, я вижу, нельзя мне тебя удержать.
Ты не только кузнец, ты – готовый боец!
Что ж, судьбы миновать никому не дано.
Был и я в своё время на страшной войне
В рати Дмитрия князя, в дружине его.
Правда, молод я был, много младше тебя.
Набирал он войска, чтоб идти на татар.
И с Ветлуги он тоже народ призывал.
Мой отец, а твой дед, собирался в поход.
Мне же было тогда десять лет лишь всего.
Но хотелось мне очень в поход, на войну.
Как просил я отца, как его умолял…
Но меня он не брал, говорил, что я мал.
И тогда я в подводе укрылся тайком,
На телеге под сеном. Когда же меня
Обнаружили, – были уж мы далеко.
Одного отпускать, чтоб вернулся домой
Было поздно. Отец меня взял на войну…
– Знаю, тятя! Я слышал рассказы твои.
Я их помню. Они и в душе у меня,
И на сердце. Они мне желанье зажгли
Славой род наш покрыть. И доспехи они
Мне ковали ночами, тайком от тебя.

– Вижу, вижу… – ответил кузнец. – Я для них
Вспоминаю о славе великих князей… –
Он кивнул на монахов, нежданных гостей. –
Впрочем, долгий рассказ… Ты в дороге и сам,
Если будет желание слушать твой сказ,
На досуге расскажешь про деда-бойца,
И про подвиг его. С детства знаешь о нём…
– Тятя, дай же мне в память и дедовский нож,
Тот, который ему князь Донской подарил,
Что хранишь, как реликвию. Мне он в пути
Будет как оберег, и поддержит меня,
Если трудно мне будет, чтоб славы отцов
И дедов был достоин я в честном пути. –
И кузнец Тихомиру принёс князев нож
Вместе с ножнами, где был расписан узор
Тонким золотом с крапинами серебра.
Посредине на ножнах серебряный крест
И четыре рубина горят на кресте.
В основании ножен на солнце блестят
Вензеля золотые двух букв: «Д» и «И».
Рукоятка ножа – клык седого моржа,
Отороченный с дивными ножнами в тон
Тонким золотом с крапинами серебра.
Посредине с рубинами крест серебром,
На оковке два вензеля букв: «Д» и «И».
– Этот нож князю Дмитрию выковал Тул,
Старый мастер мариец, кузнец и скорняк,
Делал он колчаны и оружье ковал.
Взял его князь с собою в поход кузнецом.
Возле Тулы потом и остался тот жить.
Много стрел и мечей, много острых ножей,
Что сработал тогда старый Тул, до сих пор
Между Доном-рекой и Непрядвой-рекой,
На большом Куликовом просторе лежат
И гниют, возвращая земле свой металл. –
Так монахам сказал старый Фёдор кузнец.
Дал затем Тихомиру крест-энколпион,
И сказал: – Этот крест раньше дед твой носил,
А потом уж и я. А теперь носи ты.
В нём щепотка земли да просвиры щепоть. –
Поклонился отцу до земли Тихомир,
Дар священный приняв, и на шею надев.

3. Единение сердец

У Ветлуги-реки, у плакучих берёз
Тихомир и Иришка тихонько сидят
И молчат. Не идут им на душу слова.
Всё уж сказано, – только сидеть да грустить,

Да минутки до часа разлуки считать.
У Иришки на сердце тоска и печаль:
Ей хотелось теперь не слова говорить,
А кричать журавлицей, что край свой родной
Покидает к зиме, улетая на юг;
Одинокой волчицею выть на луну;
И вдовицей оплакать свой горький удел.
Ей казалась теперь: подколодной змеёй
Золотая коса шею ей обвила.
И казался ей серым, и пасмурным день.
А на небе ни тучки, ни облачка нет,
Только майское солнце горит в вышине.
– Ничего, моя любушка, скоро вернусь, –
Говорил Тихомир, чтоб утешить её. –
С ними я лишь пробуду один месяцок,
Ну, другой… как они остановятся где,
Как осядут, я тут же назад и вернусь…
– Тяжело расставаться с тобой и на день, –
Отвечала Иришка. Глаза у неё
Были полные слёз. – Ты себя береги.
Не геройствуй напрасно. Хоть ты и силён,
Да не всё можно силою сделать одной.
Сердце чует беду. Тяжело… тяжело…
– Ничего, моя любушка, скоро вернусь.
Снова будем мы вместе, уже навсегда.
Должен я послужить православной Руси,
Сам игумен меня на служенье призвал.
Может, подвиг какой я в пути совершу,
Может, род наш прославлю и наше село,
Как прославил наш род славный дед… Ничего.
– Что мне слава твоя? Не за славу тебя
Я люблю всей душой, не за славу дедов.
Дорог сам ты мне пуще вей славы земли.
Вот, на память возьми алый бант мой с косы. –
Тут она алый бант у косы расплела,
Повязала его Тихомиру вокруг
Головы, чтобы кудри его он держал.
– Не забыл же и я о тебе. Вот, смотри. –
Из-за пазухи вынул кузнец Тихомир
Диадему из чудных цветов. – Их ковал,
О тебе лишь одной вспоминая. Теперь
Ты носи, обо мне вспоминая всегда. –
И на голову ей диадему надел.
Улыбнулась Иришка, но с грустью, и так
Отвечала ему:
– Буду поминать тебя
И с подарком, и без. Только ты поспеши,
Поскорей воротись. И себя береги. –
И опять они, молча, вздыхали вдвоём

У Ветлуги-реки, у плакучих берёз,
Пока время прощаться не вышло совсем.

4. Жизнь начинается со странствий

Фёдор, старый кузнец, вывел лодку свою,
Да на воду спустил, чтобы иноков в ней
Вместе с сыном немного ещё проводить.
Вёрст за пять проводил он их вниз по реке,
Да у левого берега встал на причал.
Тут простились они. Фёдор сына обнял,
И такие слова на прощанье сказал:
– Помни мать и отца. Помни дом свой родной.
Будь разумен и смел, и вернись поскорей. –
Поклонился отцу до земли Тихомир.
Так простились они у простора реки.
Фёдор лодку повёл по течению вверх,
А монахи и с ними кузнец Тихомир
По теченью вниз путь направили свой.
Шли они по тропинке у самой реки,
Поневоле любуясь красой берегов.
Сосны стройные были на том берегу,
Золотилась на солнце сквозь хвою кора.
Словно рыбки, плескались в волнах, веселясь
Блики солнца. И, с ними играя, то тут,
А то там, из воды плавники показав,
Рыбья молодь плескалась в весёлых волнах.
Птицы юркие чертят над самой водой,
Чтоб рыбёшку поймать.
– Божий мир! Божий мир!.. –
Говорил инок Тихон, любуясь на лес,
На Ветлугу, на дол. – Как кругом хорошо!
– Хорошо, – согласился Варнава. – А как
Хорошо было б в мире, когда б человек
И раздоров не знал, только б жил по любви.
– Это разве возможно? – спросил Тихомир.
– Почему же и нет? – вновь Варнава сказал. –
Посмотри, как спокойно кругом, хорошо,
Места много для всех. Вот в обители мы
Сколько лет проживали без распрей, без ссор.
Почему бы и всем так спокойно ни жить,
Ни трудиться, и Бога за то восхвалять?
– Это так. Только как же спокойно-то жить,
Если нас, то марийцы, то хана войска
Притесняют повсюду. Под игом-то жить…
– Я тебе о Ерёме, а ты – о Фоме! –
Улыбнулся Варнава. – Ведь я говорю
Не о нас, а о том, чтобы все как один
Жить спокойно могли и оставить вражду,

И друг друга любить; чтобы был весь народ
Как одна мировая душа. Вот о чём!..
– Захотят ли татары-то жить так, как мы? –
Тихомир не сдавался. – Бог разный у всех…
– Для того и идём, чтоб народы мирить
Православною верой, – Макарий сказал. –
Если в вере единой пребудет народ,
То и меньше вражды. Значит: больше любви.
– Это так, – согласился, вздохнув, Тихомир. –
Но пока враг сильнее – и вера его
Крепнет в силе. А стоит лишь силу сломить,
Так и вера ослабнет. Под игом-то жить…
– Сколь веков уж под игом татарским живём,
А сломить они веру Руси не смогли
Ни огнём, ни мечом, и ни силой своей! –
Отвечал ему Тихон. – Так что же сильней?
– Это так, – согласился опять Тихомир. –
Только всё-таки надо и силу сломить,
Сбросить с шеи хомут!
– Кто же спорит о том.
Будет время, и сбросим, – Варнава сказал.
– А ведь было, и мы побеждали татар.
– Это ты про Донского? А ну, расскажи,
Что за подвиг такой предок твой совершил.
Князь Донской-то за что ему нож подарил?
– Дай-ка нож посмотреть, – Тихон тут попросил. –
Я рисунок отделки запомнить хочу:
Может, где и сгодится. – Ему Тихомир
Дал свой нож посмотреть. Сам же начал рассказ:
– С детства слышал о деде я сказы отца.
Ну, о том, как отец мой попал на войну,
Вы уж знаете: сам он сегодня сказал.
Он мне с братом твердил: нам ли, русским, теперь
Подчиняться Орде! Мы же били не раз
Этих подлых татар. И когда-то Тугай,
Ихний хан, что Рязанское княжество жёг,
Получал по зубам возле Выйды-реки.
И Булата-Тимура, хотя и прозвал
Сам себя он Булатом, всё ж били его
Наши русские силы на Пьяной реке.
Вот и Дмитрий не стал подчиняться Орде,
А с Мамаем на бой стал войска собирать.
С ним Владимир, двоюродный брат, славный князь;
Также князь ярославский пошёл; и ещё
Князь ростовский и князь белозёрский пошли;
И Тверской, и Смоленский, и Суздальский князь…
Но не все захотели идти на Орду.
Нет единства у нас на Руси, вот беда.
Даже Дмитрия тесть не пошёл за него,

Тот, который потом Тохтамышу служил.
Князь тверской Михаил отказался идти.
Да и много других на Орду не пошли.
Вот тогда-то Донской стал людей собирать,
Не вояк, не служак, а людей из простых;
Всех, кто хочет увидеть свободною Русь.
До Ветлуги дошли от Донского гонцы.
Так собрался мой дед, да и многие с ним.
С ним отец мой обманом попал в эту рать.
Мне отец говорил: много плакала Русь,
Предрекая погибель от этой войны,
Разоренье, какое и прежде не раз
После стычек терпели от подлых татар.
И тогда Дмитрий с войском народным своим
Посетил преподобного Сергия скит,
Что при монастыре. Сергий Радонежский
Поддержал полководца, войну освятил,
Над Мамаем победу ему предсказал.
А чтоб слово и делом ещё подкрепить,
Он двух иноков с войском послал на войну:
Пересвета с Ослябей…
– То знаем и мы.
И что после, как слух уж об этом пошёл,
Войско русское втрое потом разрослось. –
Перебил инок Тихон рассказ кузнеца. –
Нам история ведома. В списках ещё
Я о битве с Мамаем сказанье читал,
До того, как марийцы сожгли монастырь,
Уничтожив часть списков. Во многих церквях
Поклонился князь Дмитрий святым образам,
Чтобы Русь защитили они на войне.
И, прощаясь с княгиней, ей Дмитрий сказал,
Проливающей горькие слёзы о нём:
«Что ты плачешь, жена? Кто же нас победит,
Если Бог – нам помощник?»… Ты лучше скажи,
Что за подвиг твой дед совершил, что ему
Был подарен такой изумительный нож? –
Он вернул кузнецу его нож. Тихомир,
Недовольный, что так перебили рассказ,
Отвечал хоть не зло, но с досадой на то.
– Вот и думаю я: что же вы-то втроём
Без оружия в путь свой опасный пошли?
Можно, видно, и вам в руки брать острый меч,
Раз монахов игумен послал на войну…
– Нет, нельзя. Разве только подвигнет сам Бог.
Ты – защита для нас. – Так ему отвечал
Сухопарый Варнава. – Но есть и у нас
Посильнее оружье, чем меч или нож.
Это Господа слово. Его мы несём.

И сейчас не с войной мы, а с миром идём. –
Тут Варнава с улыбкой на всех посмотрел. –
Ты же, Тихон, послушай, не перебивай.
Пусть мы многое знаем, да только – не всё.
А ещё раз послушать, так – лучше узнать.
– Я про подвиг скорее услышать хотел. –
Инок Тихон ответил. Сказал кузнецу: –
Ты меня извини, Тихомир.
– Ничего.
– Долог путь наш. К чему торопиться теперь. –
Вновь Варнава сказал. – Продолжай, Тихомир.
В разговоре и путь веселее пройдёт. –
Между тем тропка в лес от реки поднялась,
Так как берег опутал кустарник густой.
По тропинке поднялись и путники в лес.
Тихомир же продолжил рассказ свой о том,
Как с татарами дед его бился за Русь.

5. Юности воспоминанья

– Нам отец о войне той не раз говорил,
Мне и брату, так, словно я сам много раз
Был в сражениях тех, на побоище том.
Так отец говорил: подошёл уж сентябрь,
Как на поле князь Дмитрий построил войска.
С воеводами въехал затем он на холм,
Чтобы рать осмотреть. Что направо гляди,
Что налево – кругом, сколько мог видеть глаз –
Да и сколько не видел, и дальше ещё –
Всюду войско стоит и сражения ждёт.
На знамёнах сияют святых образа
В тёплых солнца лучах; и шумят на ветру,
Развиваются стяги, как гладь облаков;
И с хоругвей полков смотрят смело вперёд
Лики русских князей, и святых, и Христа.
Строй за строем, плечом возле друга плеча
Русь сынов своих вывела насмерть стоять.
Их доспехи сливаются все серебром,
Словно в поле река полноводная вдруг
Разлилась тут от края до края земли;
Их кольчуги блестят, словно рябь на волнах.
Золочёные шлемы на солнце горят,
Словно вспыхнуло пламя румяной зари
Над седою рекой, отражаясь в воде.
Так стояли войска достославной Руси.
Рождества Богородицы праздник святой
Наступил уж. Дни тёплые были тогда.
Ночи тёплые, тихие, утром – туман.
Как пророк говорил: «Для неверных и ночь

Не светла, а для верных, – ясна, словно день».
А с утра был туман: ничего не видать,
Только звуками труб отзывались полки.
До полудня почти не сдавался туман,
Но потом, как рассеялся, видят: стоят
Бусурманов войска. Что направо гляди,
Что налево – кругом, сколько мог видеть глаз –
Да и сколько не видел, и дальше ещё –
Всюду войско стоит и сражения ждёт.
Не одни же татары с Мамаем пришли,
Чтобы Русь погубить: и литовский там был
Князь Ягайло с войсками, армены ещё,
Агаряне, черкесы, буртасы, ещё
Князь рязанский Олег за Мамая пошёл,
Фрязы, половцы… многих привёл хан Мамай
Против Дмитрия биться и брата его.
Как увидели русские вражьи войска,
Так в сражение рвались, чтобы подвиг добыть,
Бусурманов побить, защитить Русь мечом.
Были стычки сначала отрядов лихих.
Никогда ещё поле не видело то
Вместе столько народа. Казалось, земля
Из-под ног уходила, дрожала, тряслась.
Так как дед мой был ростом не ниже меня,
А по силе и вовсе меня был сильней,
Как отец говорил, то за это его
Князь в Коломне зачислил в дружину свою,
А до этого был он в полку костромском.
Много с плеч поснимал бусурманских голов
В тех боях дед Макар. Был тогда у татар
Богатырь Челубей. Многих русских побил.
И никто победить его силу не мог.
И двоих, и троих он один побеждал…
Перед тем, как сошлись основные полки
В беспощадном и страшном кровавом бою,
Закричал от татар богатырь Челубей:
«Слушай, дикий урус! Кто один на один
Выйдет против меня? Кто меня победит,
Тот добудет и честь, и победу себе!
И войскам своим честь. А погибшему – стыд!
Выходи и сразись в этом честном бою!»
Был он, что Голиаф, выше всех и сильней.
Шапку лисью на нём покрывал яркий шлем.
Латы крепкие грудь закрывали его.
Конь лихой был под ним, быстр и чёрен как смерть.
Щит держал он в руках и большое копье,
Остриё на котором горело огнём.
Тут замешкались ратники в наших войсках.
И тогда дед мой вызвался биться в бою.

А за ним сразу трое поднялись на бой:
Кацибей, что в разбойниках раньше ходил,
И отчаянным был, князь за удаль его
И за смелость в охрану поставил свою;
А вторым биться вызвался Мелик Семён;
Третьим – Дмитрий Борок из Волынской земли,
Воевода умелый и смелый в боях.
Только вышел вперёд Александр Пересвет
И сказал: «Нет, не вам, не сейчас, и не с ним
Биться в честном бою. Подвиг ваш впереди.
Победить Челубея не сможете вы.
Смерть его можно вырвать лишь смертью своей.
Вам же рано ещё на погибель идти.
Он подобного ищет себе. Это я.
Мне игумен предрёк, отправляя сюда,
Что сразить Голиафа назначено мне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.